

Визави

— Сергей Георгиевич, мы с вами виделись года два назад, и уже тогда вы вроде бы собирались переезжать в Москву...

— Да нет, путаете. Я по-прежнему как жил в двух городах, так и живу. Поезд Москва—Хельсинки идет, слава Богу, мимо моего Зеленогорска, даже в Питер не надо заезжать. У нас же дом за городом, на Карельском — в шикарном месте. И никакого желания уезжать отсюда у меня нет.

— У вас же голос уникальный. Как так получилось, что практически у каждого певца есть свой автор-композитор, а у Сергея Захарова эксклюзивного репертуара нет — поете арии из оперетт, романсы...

— Романсы — это и есть мой эксклюзивный репертуар. Смею надеяться, что я открыл новую страницу в их прочтении. Как ни странно, романсы стали элитной музыкой. Чтобы воспринимать их адекватно, нужно иметь определенный настрой души, уровень интеллекта, какой-то очень гуманизированный склад души. Это все становится редкостью сейчас, с ужесточением взаимоотношений в обществе, с ужесточением пути каждого человека. Мой зритель — это довольно локальная прослойка в нашем обществе, но в связи с тем, что у нас народу вообще много, то и зрителей у меня много.

— Вы понимаете, что они стареют, что это уходящая натура?

— Это нормально. И я старею вместе с ними. А потом и уйду вместе со зрителями. Музыка является отражением общества, как и любое искусство. Приходит новая система ценностей, взаимоотношений, в которой я себя чувствую неуютно. Это тоже нормально, потому что люди все делают до 25, максимум до 30 лет, а дальше живут тем, на чем воспитывались. Со сменой поколений придет и новая культура, поэтому бесполезно дергаться. Как можно в сорок пять лет рядиться в молодежную одежду?! Это неинтересно, не по уму — нужно быть просто дебилом. В 45 лет мысли и чаяния далеки от молодежных. Насиловать себя? А зачем, какая задача? Я очень уважаю Валеру Леонтьева, но я очень жалею его, потому что в его рок с лишним прыгать по сцене козлом — это уже несерьезно. Уже и ему это тошнотворно. Я убежден в этом, потому что он умный человек. Все время должен притворяться последние пятнадцать лет. Но если перейти в другую систему, он может все потерять. У меня дело обстоит лучше. Сейчас здравствует несколько поколений моего слушателя. Я органичен, я пою то, что мне нравится, то, что мне любимо. А если я буду молодежные песни петь, это будет не мое любимое дело.

— Я вижу вас на сборных концертах во всяческих ДК. Получается, что вы пошли по какому-то второму ряду, вне главного потока — вас самого это не смущает?

— Так можно и вам сказать: вы не читаете паршиво переведенные третьесортные детективы, значит, вы находитесь вне основного потока, вы отсталый, вы неинтересный этому обществу человек — так получается?

— Пожалуй.

— Тогда это эклектика. Кто-то должен сохранять традиции. И если мы посчитаем моего зрителя и зрителя молодежных идиологов, то моего зрителя больше. Потому что меня слушают несколько поколений — простая арифметика. У меня прошел ряд концертов в Зале Чайковского, в Театре эстрады, в самых крупных залах Москвы и Ленинграда, и везде были аншлаги. Мои пять тысяч дисков с романсами разошлись за полтора месяца. Я бы посмотрел, кто из молодых может за полтора месяца

продать пять тысяч экземпляров.

— А что, сейчас вот так? Раньше же пластинки расходились десятками тысяч.

— Так это были виниловые, по два рубля пластинка... Сейчас телевидение не дает реальной картины зрительского спроса. Это в силу категорической омоложенности ТВ и в силу того, что молодое поколение несет деньги в кассу шоу-бизнеса без запинки. Молодым не надо кормить семью, они взяли деньги у нас и пошли. Как правило, то, что мелькает на экране ежедневно, имеет низкий спрос в концертной деятельности. А мои концерты в разных дворцах культуры, клубах говорят только о высоком спросе. Мы уже завоевали своего зрителя и отдавать бездумно гигантские деньги на

**Прошлый вторник.
ДК «ЗИЛа», сборный
концерт... «Девочки,
у нас поет Захаров!».
И средних лет «девочки»
из вечной породы
общественниц
с девчачьей прытью
бегут встречать
его машину...
Опоздали.
Из грим-уборной —
захаровский феноменальный
голос: чистый, как будто
прошедший
цифровую запись.
Скребусь в дверь («девочки»
смотрят ревниво).
Здравствуйте!**

сосано. Я, например, чего только не читал про себя: и эта байка про Филиппа Киркорова — сын, не сын, потом, «сын Райкина, родной брат Кости Райкина». То есть люди просто выдумывают сенсации, лишь бы купили газету. Так вот, по мере расслоения общества, по мере того, как «новые русские» образуют своих детей, появятся новые поколения, которые будут стремиться к лучшему. А сейчас переходный период — катастрофический. Но вот как первая ласточка — президент «Майского чая» Игорь Васильевич Лисиненко. Понятие «нового русского» к нему не очень применимо, потому что человек прошел Афганистан и кровь видел. Вот, пожалуйста: молодой парень, лет 30 с небольшим, и вся команда такая. Так он помогает мне пластинки выпускать с романса-

добляться новоявленным князьям и дворянам, но прадед мой был помещик и генерал царской армии, дед был царский генерал артиллерии, потом наш генерал — перешел на сторону красных и «благополучно» был расстрелян в тридцать седьмом. Так вот, зов предков: мне всегда хотелось создать свой дом. Чтобы мои потомки смотрели на портрет и говорили: вот это прадедуська, с которого началась наша усадьба. И сейчас, в сорок пять — сорок шесть лет, я могу сказать, что мне во многом удалось это. Я имею крепкую семью, живем душа в душу 26 лет законно и еще эн лет в незаконном браке. У нас замечательная дочь, которая имеет свою хорошую семью, внучка любимая. Я бросил жить в городе, купил землю, построил дом, посадил деревья, сделал хозяйство крепкое. Мы далеки от суеты, от тяжелых отрицательных полей, которые крутятся в городе. Поскольку там человек бьется за свое существование, он испускает отрицательные поля, и я просто физически это ощущаю. А у нас жизнь деревенская — встаешь с рассветом, ложишься с закатом. Сейчас у нас гостит внучка и все лето будет гостить. Я надеюсь, что так и будет до самой старости.

— Вы считаете, что это и есть главное в жизни?

— Да. Самое главное в жизни человеческой — это стабильность. Можно добиться стабильности своими руками, а можно ждать милости от природы, то есть от государства, чего и ждет народ, рудиментарно тоскуя по социалистическому строю, когда тебе плохонькое, но давали. А теперь ничего не будут давать. Видимо, я вовремя это понял, и все

Сергей ЗАХАРОВ: «НЕУЖЕЛИ Я ПРЕДАМ ВСЕ СВОЕ, ЧТОБЫ ПРЫГАТЬ В ЛОСИНАХ ПО СЦЕНЕ?»

телевидение только за то, чтобы тебя показали, мы не будем. А следовательно, ни я, ни Лева, ни Иосиф Давыдович, ни Муслим не будем часто мелькать на экране. Мелькать будут все эти новые девочки, в которых «новые русские» вкладывают деньги на раскрутку своего чада или своей пассии. Это маятник. Долгое время всего молодежного как бы не было, была музыка только для среднего поколения. Теперь маятник качнулся в другую сторону, и каждая редакция хочет заработать, а заработать можно только на молодежной музыке, потому что наиболее активная часть бизнеса — молодежь, которая воспитывалась на дефиците молодежной музыки и сейчас его восполняет. Опять все вернется, придет к середине золотой.

— Когда же, по вашим прогнозам, маятник качнется в обратную сторону?

— Не скоро. Феномен слушателя, читателя, зрителя заключается в том, что система образования, хотя она была во многом хорошая, была и схоластичной, трафаретной. Она во многом отвратила молодое поколение от знания. Ведь в вакуум пришли — что пишут? Вранье, все придумано, за столом из пальца вы-

ми и 25-летие творческой деятельности спонсирует... Зачем это ему надо? Большой коммерческой пользы я ему не принесу. Он уже о вечных ценностях думает, об искусстве.

— Если о вечных ценностях — мне сейчас вспомнилась ваша история, как вы на стройке клали кирпичи, а жена вам писала нежные письма.

— Опять мы про жареные факты начинаем.

— Нет, я как раз не про это. Брак, который длится 26 лет, прошел через такие испытания...

— Не двадцать шесть. Мы еще до этого были четыре года знакомы, так что, считай, уже тридцать.

— Это же очень трогательная история.

— По-моему, это нормально. Я всегда был приверженцем такого домостроя. Я ведь из семьи военнослужащих, а что это такое? Два, три года в одном гарнизоне, потом в другом, в третьем — никакого дома, никаких крепких корней, так, перекаати-поле. И вот 25 лет отец отслужил и — мать отдельно, отец отдельно. Все это очень мне действовало на нервы. И гены моих предков настолько сильны... Не хочу упо-

за эти десять лет я создал своими руками. Начав с комнаты в коммуналке, я имею и квартиру, и дом. И дочка все имеет, так что все в порядке. И это сделано своим трудом, то бишь голосом. Вот ты посмотрел концерт — ты понял, что народу надо?! Ну, выскочи сейчас с голдой задницей девчонка — и что? Пара голосов крикнет «У-у!» и свистнет, вот и все. Это музыка для ног, а не для души. Во всяком случае, русскому человеку, российскому, это совершенно не нужно. Американизация культуры хороша в Америке. Возьми Великобританию, возьми Францию, Италию, Испанию — везде четкий антагонизм коренной культуры и американской.

Неужели надо предать все свое, чтобы у тебя было в два раза больше концертов и чтобы молодежь, которую ты на дух переносить не можешь, — ну не всю, конечно, а ту из многих, которых мы с тобой знаем, — чтобы молодежь кричала «Ва-ау!». Одеться в лосины и прыгать козлом по сцене — «Ва-ау!»...

Встречался Евгений НЕКРАСОВ
Фото Виктора СМОЛЯНИНОВА.
Концерт «ВМ»